

34. Whitehead K. History of the Somerset Light Infantry (Prince Albert's), 1946-1960. – Somerset Light Infantry, 1961. 200 p.

35. Wilson B. R. Magic and the millennium: A sociological study of religious movements of protest among tribal and third-world peoples. – New York: HarperCollins Publishers, 1973. 587 p.

УДК 94 (47)

Никифоров Ю. С.

**Исследование позднего СССР и советских элит (1950-1980-х гг.)
британскими учеными: сюжеты и тенденции**

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950-1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вклада британских ученых в изучение эпохи позднего СССР. Акцент в статье сделан на анализ работ британских исследователей, связанных с изучением советских элит, взаимодействия региональной элиты с центром в эпоху Н.С. Хрущева и эпоху Л.И. Брежнева. Выделяются некоторые характерные тенденции в британской историографии позднего СССР. В статье делается вывод о влиянии либеральной идеологии на историографический дискурс британских исследователей.

Ключевые слова: СССР, Британия, элита, советология, россиеведение, коммуникативные практики, историческая память, поздний социализм, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, идеология.

Nikiforov Yu. S.

**The study of the late USSR and Soviet elites (1950-1980) by British
scientists: stories and trends**

Abstract: The article is devoted to the consideration of the contribution of British scientists to the study of the era of the late USSR. The emphasis in the article is on the analysis of the works of British researchers associated with the study of Soviet elites, the interaction of the regional elite with the center in the era of N.S. Khrushchev and the era of

L.I. Brezhnev. Some characteristic tendencies in the British historiography of the late USSR are highlighted. The article concludes about the influence of liberal ideology on the historiographic discourse of British researchers.

Key words: USSR, Britain, elite, sovietology, Russian studies, communicative practices, historical memory, late socialism, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, ideology.

Западная, главным образом, англо-американская советология исследована отечественными авторами как в форме обобщающих, обзорных трудов, так и в виде аналитических проблемных статей [5, 7, 8, 12]. Особо выделим работу ярославского историка А.А. Некрасова [7]. Однако основное внимание западных советологов и русистов сосредоточено, как правило, на эпохах Ленина и Сталина, что обусловило меньшее внимание к последующим периодам советской истории. Это обстоятельство подчеркивают некоторые британские ученые. Так, по словам исследователя из Шеффилдского университета Мириам Добсон, «ученые (как к востоку, так и к западу от того места, где когда-то висел «железный занавес»), в значительной степени сосредоточили свое внимание на самом драматическом и жестоком периоде советской истории - 1930-х гг.». Напротив, послевоенные и постсталинские годы, отмечает британская исследовательница, оказались «относительно девственной территорией, по крайней мере, с точки зрения архивных исследований» [16, p. 905].

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать, обобщить и систематизировать вклад британских исследователей в изучение отдельных аспектов эпохи позднего СССР - эпохи Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. Термин позднесоветский (поздний социализм) используется вслед за А. Юрчаком для обозначения периода «примерно 30 лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [13, с. 36].

В числе ключевых советологических центров Великобритании выделим Лондонскую школу славяноведения, Бирмингемский университет, Институт славянских и восточноевропейских исследований университета Глазго в Шотландии, Кембриджский университет, Манчестерский университет, университет Кента, университет Восточного Лондона, Шеффилдский университет. Подчеркнем особую роль профессиональных сообществ, связанных с исследованием советского государства и общества. Выделим BASEES

(Британскую ассоциацию славянских и восточноевропейских исследований), основанную в 1989 г. в результате объединения «Ассоциации славистов Британского университета» и «Национальной ассоциации советских и восточноевропейских исследований». Среди ведущих британских советологов, исследовавших поздний советский период, следует отметить, с одной стороны, фигуры таких корифеев как М. Маккоули, Э. Модсли, А. Ноув, Д. Фильтцер, Дж. Хоскинг и других [6, 11, 16, 17, 19, 20]. С другой стороны, набирает силу молодое поколение исследователей, представленное, к примеру, именами М. Добсон, Ф. Буббайера и других [3, 4, 16].

Ограниченный объем данной статьи не позволяет в полной мере дать развернутый обзор всей палитры британской советологии и россиеведения в отношении позднесоветского периода. Остановимся, с одной стороны, на классических трудах, а, с другой стороны, на новых знаковых работах. К числу наиболее известных классических работ по позднесоветскому периоду следует отнести труды Дж. Хоскинга, Дж. Бреслауэра [11, 14], а также коллективную монографию «Хрущев и хрущевизм» под редакцией М. Маккоули [19]. В книгу вошли главы по различным аспектам истории СССР, авторами которых являются М. Берри, А. Ноув, Д. Фильтцер и другие [19].

Применительно к теме политической истории и исследованию элит в СССР серьезнейший вклад внесли классические работы А. Брауна, М. Маккоули, Р. Саквы, Дж. Хоскинга [2, 11, 19, 20, 21]. В трудах А. Брауна и Р. Саквы («Взлет и падение коммунизма» и, соответственно, «Взлет и падение Советского Союза») обращает на себя внимание схожая лексика, которая отражает либеральный дискурс их работ [2, 21]. Новейшую монографию М. Маккоули отличает высокий уровень анализа проблем холодной войны [20]. С одной стороны, британские ученые активно исследовали феномен стабильности советского общества. В частности, Дж. Хоскинг указывал на своеобразную концепцию «социального контракта» между государством и трудящимися. Он называл личные качества Л.И. Брежнева, а также иерархичность и консерватизм советского общества среди факторов относительной стабильности в СССР 1970-х гг. [11]. С другой стороны, они изучали факторы дезинтеграции СССР в 1980-е гг. Так, Дж. Хоскинг подчеркивал такие предпосылки распада СССР как экономический национализм, местничество, усиление «национальных элит», межнациональные и межрегиональные противоречия [11].

Одним из советологических / русистических направлений в британской историографии является изучение советских элит. В этом смысле наиболее фундированной представляется работа почетного профессора университета Глазго Э. Модсли (в соавторстве с американским профессором С. Уайтом). Проанализировав биографии 2 000 членов ЦК КПСС с 1917 по 1991 г., авторы выделили четыре поколения советской партийной элиты [6]. Э. Модсли и С. Уайт рассматривают связь членства в ЦК и административные функции, изменение власти и привилегий элиты, ее связь с населением. Э. Модсли идентифицируют советскую номенклатуру послевоенного позднего советского периода как «второе поколение советской элиты», «класс 38-го года», «сталинские молодые кадры», «основные бенефициарии Большого террора» и др. [6, с. 161-162]. Среди предпосылок формирования второго поколения советской элиты они отмечают такие факторы как «возникновение вакансий в результате Большого террора», «рост количества административных должностей в индустриальной экономике», идеологическая обработка («их мышление было сформировано изучением сталинского «Краткого курса»), «закаливание» через Великую Отечественную войну» [6, с. 197-198].

В ракурсе настоящей работы интересна точка зрения британских исследователей о структуре советской элиты 1950-х гг., которая стала опорой для Н.С. Хрущева. В частности, М. Маккоули выделил пять типов чиновников, которых Н.С. Хрущев «попытался привязать к своей колеснице»: «Те, кто верно и успешно служил ему в предыдущие годы, особенно в Украине и Москве; те, чей покровитель потерял почву в борьбе за лидерство (например, люди Берии после июня 1953 г. и люди Маленкова после февраля 1955 г.); те, кто был сталинистом до марта 1953 г. и... затем проиграл группам Маленкова, Берии, Молотова; те, кто проиграл фракционную борьбу поздней сталинской эпохи (например в ленинградском деле); яркие, способные молодые чиновники, продвигавшиеся над головами своих старших товарищей» [19, р. 13].

В контексте исследования взаимодействий региональной элиты и центра пристального внимания заслуживает совместный проект британского ученого Й. Горлицкого и российского историка О.В. Хлевнюка [10]. Работы профессора Манчестерского университета Й. Горлицкого представляют большой интерес в плане анализа поздних советских региональных элит. Одно из исследований Й. Горлицкого показывает, что в эпоху Брежнева в сравнении с периодом Хрущева и Сталина система взаимодействия региональной элиты и центра претерпела значительные изменения, трансформировавшись в

направлении более мягких и гибких коммуникативных практик. Совокупность этих коммуникативных практик Й. Горлицкий обозначил термином «доверие к кадрам» («trust in cadres») [18], обернувшееся, как известно, в 1970-1980-е гг. феноменом «руководителей-долгожителей» в регионах и геронтократией в ЦК КПСС. Британский исследователь задается вопросом, почему кампания за «доверие к кадрам» стала символической для брежневской эпохи? Й. Горлицкий утверждает, что после провала институциональных экспериментов Н.С. Хрущева [18, р. 676-700] Л.И. Брежнев обратился к «доверию», основанному на текущих личных отношениях, как средству снижения высоких издержек советской системы. Й. Горлицкий предположил, что система регионального лидерства характеризовалась стабильными институциональными ограничениями для региональных лидеров и тщательной системой старшинства, которые он идентифицировал посредством термина «иерархическая этика». Новые механизмы руководства элитами включали комбинацию региональных институциональных ограничений и политических норм, связанных с моделью неформальных связей, которые Й. Горлицкий условно называет концептом «доверие». Й. Горлицкий утверждает, что советские чиновники всегда прибегали к неформальным связям, чтобы достичь официальных целей, но кампания за «доверие к кадрам» стала кульминацией таких практик, составив часть идеологии режима [18].

В части исследования творческой элиты в позднем СССР интерес представляет работа другого профессора Манчестерского университета Веры Толц «Культурные боссы» в качестве покровителей и клиентов: функционирование советских творческих союзов в послевоенный период» [22]. В статье утверждается, что послевоенные годы были периодом, когда высшие руководители советских творческих союзов («культурные боссы») приобрели свой сверхэлитный статус. В. Толц показывает, как «культурные боссы» завершили контроль над литературной и художественной деятельностью. В. Толц оценивает последствия политики послевоенного правительства в отношении интеллигенции для обеспечения долгосрочной стабильности режима. В продолжение темы, отметим труд В. Букли, который исследуя духовную сферу советского общества 1950-1960-х гг., говорит о хрущевской эре как о «второй культурной революции» [15].

В плане анализа контекста функционирования советских региональных элит интересны трактовки социально-экономической политики СССР в 1953-1982 гг., представленные в работах М. Берри, М. Маккоули, А. Ноува, Д. Филтцера [17, 19]. По мнению М. Берри,

при Н.С. Хрущеве не удалось решить проблемы научно-технического прогресса в промышленности [19]. М. Маккоули отмечал, что Хрущев «не придумал никаких прочных решений основных проблем советской экономики» [19, р. 39]. А. Ноув и Дж. Хоскинг подчеркивали неэффективность капиталовложений в аграрный сектор [11, 19]. Размышляя о причинах неудачи косыгинской реформы 1965 г., Дж. Хоскинг указывал на сопротивлении консервативных сил в СССР [11]. Д. Фильтцер большое внимание уделил исследованию рабочего класса в СССР [17].

Активное международное сотрудничество англоязычных авторов с российскими учеными привело к появлению совместных научных издательских проектов («История сталинизма», «Документы советской эпохи» и др.), которые способствовали переводу на русский язык ряда интересных книг современных англоязычных авторов. Так, например, работа одной из самых молодых британских исследовательниц – М. Добсон [4] интересна тем, что написана на пересечении политической, институциональной и социальной истории. М. Добсон конструирует социальную историю СССР от смерти Сталина до середины 1960-х гг., анализирует массовые амнистии 1950-х гг., десталинизацию, курс Н.С. Хрущева на построение коммунистического общества и рост преступности. М. Добсон приходит к выводу, что психологическое состояние советского общества на рубеже 1950-1960-х гг. и политический курс лидера партии были противоречивыми [4].

На примере новейших работ Н. Адлер, М. Добсон и М. Маккоули [1, 4, 20] можно убедиться в справедливости мнения исследователя А.С. Чернышева, который утверждает, что типичным для западной, в том числе британской историографии является «перекос в сторону десталинизации и внешней политики» [12]. В то же время тема советской повседневности в англоязычных исследованиях последнего времени также охватывает широкий спектр тем: от истории техники до зарождения диссидентских настроений [3, 9, 16].

Коснемся особенностей источниковой основы анализируемых работ. Документальную базу англоязычных исследований составляют разнообразные группы источников – от официально опубликованных материалов до документов из федеральных и региональных архивов. Так, исследование упомянутой М. Добсон основано на документах ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ [4]. В поле зрения англоязычных исследователей находится советская и зарубежная пресса, различные эго-документы (мемуары), а также интервью с непосредственными участниками событий. Например, в трудах Н. Адлер и Д. Рейли [1, 9], выполненных на полярные темы, фигурируют идентичные источники и

парадигмы - личные интервью как продукт динамично развивающейся устной истории.

Таким образом, в британских и шире англоязычных исследованиях, посвященных эпохе позднего СССР, можно выделить ряд тенденций. Во-первых, отметим широкое использование британскими учеными как архивных фондов РФ (ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ), так и материалов зарубежных архивов, часто недоступных отечественным исследователям. Во-вторых, подчеркнем сочетание традиционных методов исторического исследования и междисциплинарных подходов (интервьюирование в рамках устной истории) в британской историографии. В-третьих, выделим активное международное сотрудничество англоязычных авторов с российскими учеными в рамках научных издательских проектов («История сталинизма», «Документы советской эпохи» и др.). В-четвертых, акцентируем внимание на широкой междисциплинарной палитре исследований, объединяющей как классических историков, так и политологов, экономистов, антропологов, что обусловило появление новых историографических сюжетов. В-пятых, отметим влияние либеральной идеологии на историографический дискурс британских исследователей.

Библиографический список

1. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа. М.: РОССПЭН, 2013. 262 с.
2. Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: РОССПЭН, 2014. 470 с.
3. Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России». М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.
4. Добсон М. Холодное лето Хрущева. Возвращение из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М.: РОССПЭН, 2014. 295 с.
5. Дроздов В. В. Современная зарубежная историография экономической политики СССР в 1946-1985 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 1998. 54 с.
6. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 431 с.
7. Некрасов А. А. Становление и этапы развития западной советологии. Ярославль, 2000. 68 с.
8. Оранжева О. И. Эволюция советской политической системы 1953-1964 гг. в зарубежной историографии. Пермь, 1993. 252 с.

9. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.
10. Хлевнюк О. В. Региональная власть в СССР в 1953 - конце 1950-х годов // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31-49.
11. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М., 1994. 458 с.
12. Чернышев А. С. Хрущевская «оттепель». Современная историография (2000–2016 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. №3. С. 24–31.
13. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: РОССПЭН, 2014. 482 с.
14. Breslauer G. Khrushchev and Brezhnev as Leaders. London: Allen & Unwin, 1982. 254 p.
15. Buchli V. An Archaeology of Socialism. Oxford: Berg, 1999. 165 p.
16. Dobson M. The Post-Stalin Era. De-Stalinization, Daily Life, and Dissent// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. No.12 (4). P. 905–924.
17. Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953-1964, Cambridge University Press, 1992. 340 p.
18. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. No.69 (3). P. 676-700.
19. Khrushchev and khrushchevism / Ed. by M. McCauley. London: Macmillan Press LTD, 1987. 254 p.
20. McCauley M. The Cold War 1949-2016. New York, NY: Routledge, 2017. 391 p.
21. Sakwa R. The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917-1991. L., 1999. 341 p.
22. Tolz V. Cultural bosses' as patrons and clients: The functioning of the Soviet creative Unions in the postwar period // Contemporary European History. 2002. No.11. P. 87-105.